

ISSN: 2713-1041

ЧНС

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. СОЦИУМ.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№2 (14), 2023

ЛУГАНСК, 2023

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. СОЦИУМ.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2(14) 2023

Луганск 2023

УДК 364. 442. 2(6)

ISSN: 2713-1041

ББК 60. 9 я 54

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. СОЦИУМ.

№2(14) 2023

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2020 ГОДУ

ОСНОВАТЕЛЬ:

Луганский государственный педагогический университет

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций Луганской Народной Республики

(свидетельство от 03 декабря 2020 года № ЭЛ 000120)

HUMAN. SCIENCE. SOCIUM.

№2(14) 2023

**SCIENTIFIC AND METHODOICAL .
FOUNDED IN 2020**

FOUNDER:

Luhansk state pedagogical University

The journal is registered in the Ministry and mass communications of the Luhansk

(certificate dated 03 december 2020

№ ЭЛ 000120)

Журнал зарегистрирован в базе РИНЦ, № договора 522-12/2020 дата: 23.12.2020

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных журналов ВАК ЛНР

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор:

Васюк Андрей Григорьевич, кандидат психологических наук, доцент, действительный член Луганской академии технических наук, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук (г. Москва), член-корреспондент Международной академии педагогического образования (МАНПО); заведующий кафедрой социальной работы Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск);

Заместители главного редактора:

Мальцева Татьяна Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии педагогического образования (МАНПО); доцент кафедры социальной работы Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск);

Абрамова Светлана Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск).

Ответственный секретарь:

Брель Яков Михайлович, член-корреспондент Луганской академии технических наук, почетный доцент Луганского государственного университета имени В. Даля, старший преподаватель кафедры социальной работы Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск)

Статьи одобрены и прорецензированы членами редакционной коллегии.

Рукописи авторам не возвращаются.

Ответственность за содержание публикуемых статей, их грамотность и корректность несут авторы. Члены редакционной коллегии могут быть не согласны с мнением автора.

© Луганский государственный педагогический университет, 2023

© Luhansk state pedagogical University, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов Евгений Петрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Социальная работа» Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, (г. Калуга, Россия).

Ахаян Андрей Андреевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий лабораторией педагогических проблем применения интернет-технологий в образовании Института педагогики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия).

Барышева Елена Ивановна, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Луганского государственного педагогического университета, (г. Луганск).

Белых Александр Сергеевич, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии педагогического образования, профессор кафедры педагогики Луганского государственного педагогического университета, (г. Луганск).

Бражник Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой воспитания и социализации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия).

Георгиев Марин Петров, кандидат экономических наук
университетская больница им. Канев (Руссе, Болгария)

Дитковская Светлана Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент, директор Института истории, международных отношений и социально-политических наук Луганского государственного педагогического университета, (г. Луганск).

Дятлова Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научно-педагогической работе Луганского государственного педагогического университета (учебная), (г. Луганск).

Маленова Арина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского (г. Омск, Россия).

Марфина Жанна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, ректор Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск).

Москвина Наталья Борисовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики Дальневосточного юридического института МВД (г. Владивосток, Россия).

Ротерс Татьяна Тихоновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-педагогической работе Луганского государственного педагогического университета, (г. Луганск).

Рудь Мария Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент, директор Института педагогики и психологии Луганского государственного педагогического университета, (г. Луганск).

Терзиев Венелин, профессор, доктор технических наук, доктор военных наук, доктор социальных наук, профессор, Действительный член РАЕ Военная академия им. Георгия Раковского (София, Болгария), Руссенский университет им. Ангела Кънчева (Руссе, Болгария), Университетская Больница им. Канев (Руссе, Болгария)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, зав. ЛаСС СГСПУ, Почетный работник ВПО РФ, академик МАН, академик РАЕ, ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» (г. Самара, Россия).

Турянская Ольга Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедры педагогики Луганского государственного педагогического университета, (г. Луганск).

Циткилов Петр Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий Южного федерального университета Ростова-на-Дону (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Чеботарева Ирина Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой дошкольного образования Луганского государственного педагогического университета, (г. Луганск).

Чернопятов Александр Михайлович, доктор экономических наук МОАН, профессор, заслуженный работник науки и образования РАЕ (Российской академии естествознания); АНО ВО Российская академия предпринимательства (г. Москва, Россия).

Черных Лариса Анатольевна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Луганского государственного педагогического университета, (г. Луганск).

Филиппов Юрий Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, первый проректор Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск).

Фирсов Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель декана по научной работе психологического факультета РГСУ, Российский государственный социальный университет, (г. Москва, Россия).

Шевердин Константин Николаевич, заслуженный художник Украины, почетный доцент Луганского государственного университета имени В. Даля, действительный член Луганской академии технических наук, старший преподаватель кафедры туризма и гостиничного дела Института управления и государственной службы Луганского государственного университета имени Владимира Даля»(г. Луганск, ЛНР).

Щелина Тамара Тимофеевна, доктор педагогических наук, профессор, декан психолого-педагогического факультета, заведующая кафедрой общей педагогики и педагогики профессионального образования, Арзамасский филиал ИНГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Арзамас, Россия).

«Studencheskij nauchny`j forum» URL: https://scienceforum.ru/2017/article/2017036453 (data obrashheniya: 23.07.2023).

17. Bojko, Zh.V. E`ticheskie osnovy` social`noj raboty` : ucheb. posobie / Zh.V. Bojko. – Xabarovsk : Izd-vo DVGUPS, 2012. – 94 s.
18. Maxova, N.P. Professional`no-e`ticheskie osnovy` social`noj raboty` : uchebnoe posobie / N.P. Maxova , V.A. Filatov. – Omsk: Izd-vo OmGTU, 2003.- 90 s.
19. Medvedeva G.P. E`ticheskie osnovy` social`noj raboty` : uchebnik dlya stud. uchrezhdenij vy`ssh. prof. obrazovaniya / G.P.Medvedeva. – 3-e izd., pererab. i dop. – M. : Izdatel`skij centr «Akademiya», 2012. – 288 s.
20. Kornienko N.A. Psixologicheskie osnovy` e`mocional`no-nravstvennogo razvitiya lichnosti: diss. ... dokt. psixolog. nauk: Special`nost` VAK RF: 19.00.13 / N.A. Kornienko. – Moskva, 1997. – 578 s.

УДК [316.483:316.362.1-055.52-055.62]:[316.361:159.923.3-057.87-056.4]

Черных Лариса Анатольевна,
доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры психологии,
ФГБОУ «Луганский государственный педагогический
университет»,

Луганск,

E-mail: larisa_pon@inbox.ru

Левков Александр Геннадиевич,

магистрант 1 года обучения,

кафедра психологии,

магистерская программа «Психология развития»,

*ФГБОУ «Луганский государственный педагогический
университет»,*

Луганск,

E-mail: Sasha.levkov.01@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОСПРИЯТИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ КОНФЛИКТОВ С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ О БУДУЩЕЙ СЕМЬЕ У СТУДЕНТОВ С НАВЯЗЧИВЫМИ ГРЕЗАМИ

***Аннотация.** В статье рассматривается взаимосвязь содержания представлений о будущей семье у студентов с навязчивыми грезами и вовлеченностью в конфликт с родителями в процессе взросления. Рассмотрены виды конфликтов между детьми и родителями и их причины. Выявлено формирование представлений о будущей семье в детском возрасте, в частности, в условиях дисфункциональности родительской семьи. Раскрыты причины возникновения навязчивых грез как защитного психического механизма, возникающего и закрепляющего в ситуации напряжения, стресса и конфликта в семье. Проведенное исследование на выборке студентов показало наличие навязчивых грез у пятой части респондентов. Выявлена тенденция деструктивного взаимодействия навязчивых грез с вовлеченностью в активную или пассивную форму конфликта с родителем, что проявляется в деструкции ценностно-смысловой сферы личности, в том числе и представлений о семье.*

Ключевые слова: семья, субъективные представления о будущей семье, конфликт, детско-родительский конфликт, дисфункции семьи, навязчивые грезы.

Chernykh Larisa Anatolyevna,

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,

Professor of the Department of Psychology,

Luhansk State Pedagogical University,

Luhansk,

E-mail: larisa_pon@inbox.ru

Levkov Alexander Gennadievich,

Master's student of 1 year of study,

Department of Psychology,

Master's program "Psychology of Development",

Luhansk State Pedagogical University,

Luhansk,

E-mail: Sasha.levkov.01@mail.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PERCEPTION OF CHILD-PARENTS CONFLICTS WITH IDEAS ABOUT THE FUTURE FAMILY OF STUDENTS WITH OBSESSIVE DAYDREAMS

Abstract. The article examines the relationship between the content of ideas about the future family of students with obsessive dreams and involvement in conflict with parents in the process of growing up. The types of conflicts between children and parents and their causes are considered. The formation of ideas about the future family in childhood, in particular, in the conditions of dysfunctionality of the parent

family, is revealed. The causes of obsessive dreams as a protective mental mechanism that arises and strengthens in a situation of tension, stress and conflict in the family are revealed. A study conducted on a sample of students showed the presence of obsessive dreams in a fifth of respondents. The tendency of destructive interaction of obsessive dreams with involvement in an active or passive form of conflict with a parent is revealed, which manifests itself in the destruction of the value-semantic sphere of the individual, including ideas about the family.

Keywords: *family, idea of future family, conflict, a parents-children conflict, family's dysfunctions, obsessive daydreams.*

Представления о будущей семье в качестве психологической категории можно обозначить как образ будущей семьи, представляющий собой сложное системное образование, которое в процессе своего развития постоянно изменяется в соответствии с личностным развитием индивида. Представления о будущей семье напрямую строятся из восприятия семьи личностью как ценности, а, учитывая состояние института семьи на современном этапе, поле проблемы значительно шире, чем кажется на первый взгляд. В психологии достаточно большое значение уделяется исследованию семьи, однако, говоря об образе будущей семьи, исследований, на удивление, достаточно немного. Рассмотрим, что подразумевают авторы под данной категорией.

Комплексное представление об образе семьи представили М.Н. Швецова и А.И. Томилина в работе по исследованию образа будущей семьи в представлении подростков. Авторы определяют образ семьи как субъективную картину семьи, включающую самого субъекта и других членов семьи, его представления о супружеском союзе и родственных связях – отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями, сестрами и другими

родственниками, живущими вместе и ведущими совместное хозяйство [1].

Несколько иной (однако не менее ценный) подход предложили Т.В. Алексеенко и Е.В. Енакаева в своей работе по исследованию особенностей представлений о будущей семье у молодежи, выросшей в условиях дисфункциональности родительской семьи. Авторы образ будущей семьи относят к социальным представлениям [2], которые, в свою очередь, определяются как система ценностей, идей и действий (поступков), с двойной функцией: во-первых, установление порядка (функция систематизации), который позволит людям ориентироваться в своей материальной и социальной жизни, во-вторых, общение между членами общества через предоставление им кода для однозначного наименования и классификации различных аспектов их истории – индивидуальной и групповой. Но важно заметить, что огромный вклад авторы привнесли не в становление образа будущей семьи как самостоятельной категории, а в его взаимосвязь с дисфункциями родительской семьи как фактором, во многом определяющим содержание образа или представлений о будущей семье.

Условно эти определения можно охарактеризовать как освещающие две характеристики одной проблемы – количественное и качественное. В первом случае мы можем наблюдать преобладание количества членов семьи с учетом специфических взаимоотношений между ними, во втором же – образ семьи понимается как система ценностей, система убеждений, идей, характеризующаяся наличием определенного порядка (иерархии или, вернее, ролей). Определения

не являются взаимоисключающими, поэтому не стоит полагать, что из их разности вытекает сложность понимания проблемы. Вероятно, на существующие различия в понимании могла повлиять специфика исследований авторов, ведь, если рассмотреть внимательнее – каждое несет в себе также смысл другого, прямо не заявленный.

Представления о семье действительно являют собой сложное образование, потому что, с одной стороны, представляют проекцию потребностей личности, а с другой – несут в себе определенный индивидуальный опыт проживания в конкретной семье с ее ценностными ориентирами и приоритетами. Можно заметить, что вполне вероятна ситуация, когда потребности личности при устоявшихся в родительской семье представлениях будут им противоречить и наоборот. Более того, М.Н. Швецова и А.И. Томилина отмечают влияние на эти представления возрастного этапа, на котором находится личность: «Представление о семье может быть детерминировано принадлежностью к возрастной группе» [1, с. 190].

Возвращаясь к рассмотрению определений и смыслового содержания представлений о будущей семье, авторами выделяются два составляющих его компонента: структурный и ценностный [3].

Структурный компонент предполагает совокупность представлений о структуре семьи: количество членов семьи, наличие или отсутствие детей, их количество, пол детей, система доминирования-подчинения, сходство будущей семьи с родительской, соотнесение образа семьи с определенным типом (расширенная, нуклеарная), распределение обязанностей, а также

возраст вступления в брак. Ценностный компонент представляет собой иерархию ценностей, смыслов, мотивов личности по вступлению в брак, отношение к ролям – их принятие или непринятие, а также отношение к семье как ценности, другим ценностям семьи, учитываются личностные ценности и смыслы, которые субъекту необходимо реализовать посредством брака и создания семьи.

Резюмируя сказанное выше, представления о будущей семье – это субъективная картина семьи, включающая самого субъекта и других членов семьи, его представления о супружеском союзе и родственных связях – отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями, сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими совместное хозяйство. Эти представления всегда представлены двумя уровнями: структурным, определяющим тип семьи, количество членов семьи, количество детей, возраст членов семьи и т.д.; и ценностным уровнем, на основе которого строятся субъективные представления о значимости семьи, детей либо же основополагающими будут выступать индивидуально-личностные ценности. Перейдем к определению взаимосвязи представлений о будущей семье с детско-родительскими конфликтами.

Конфликт в психологии считается специфическим видом взаимоотношений между людьми, характеризующимся противоборством на основе противоположно направленных мотивов, целей, идей, интересов, убеждений или суждений, взглядов, оценок и т.д. [4]. И, хотя, кажется, что это справедливо

для любого вида конфликта, для нас важно определить специфику внутрисемейных конфликтов, в число которых входит конфликт детско-родительский.

Внутрисемейные конфликты являются одной из самых распространенных, остро протекающих и переживаемых форм социальных конфликтов. В понимании такого конфликта мы ссылаемся на мнение С.В. Бобрышова и В.В. Ивакиной, которые определяют семейный конфликт как не просто скандал или ссору, «выяснение отношений», а следствие и форму проявления столкновения противоположно направленных целей, интересов, позиций, ролей, мнений, ценностей или взглядов каждого участника конфликта [4, с. 13]. Отсюда детско-родительский конфликт представляет собой ситуацию острого противоречия между детьми и родителями. Данный вид конфликта является одним из самых распространенных, даже учитывая благополучные семьи. И, несмотря на то, что отмечается особенность влияния возраста ребенка на характер возникающих конфликтов, считается, что наиболее часто такие конфликты происходят между родителями и детьми подросткового возраста.

Обобщенно, конфликты между детьми и родителями возникают из-за типа внутрисемейных отношений, деструктивности воспитания, влияния возрастных кризисов ребенка, личностного фактора. Однако, конкретизируя, Е.А. Соколова выделяет достаточно разнообразную вариативность возможных конфликтов детей с родителями в подростковом возрасте: во-первых, это конфликт неустойчивости родительского

отношения, суть которого заключается в аффективной реакции ребенка на частые перемены отношения к нему родителей, изменение критериев оценки ребенка, изменчивых требований, иными словами – в реакции ребенка на нелогичное поведение родителя. Во-вторых, конфликт, основанный на родительской гиперопеке, сверхзаботе, который часто сопровождается чрезмерным вниманием к делам ребенка и, в свою очередь, повышенными ожиданиями от него – это создает в видении ребенка ситуацию абсолютного контроля. Учитывая специфику возраста, очень часто подростки на это реагируют достаточно негативно, провоцируя конфликт. В-третьих, конфликт, основанный на ощущении ребенком неуважения своих прав, своей самостоятельности, наличие чрезмерного контроля, наставлений и указаний. И, в-четвертых, конфликт отцовского авторитета, возникающий из-за неспособности членов конфликта уступать – каждая сторона намерена твердо стоять на своем и добиваться «победы» любой ценой [5].

Таким образом, детско-родительский конфликт представляет собой специфическую ситуацию напряжения и противоречия между ребенком и родителем (родителями), которая в зависимости от силы протекания и характера разрешения воздействует на формирование нежелательных черт и установок.

О влиянии супружеских и детско-родительских отношений на установки детей на брак и их готовность к семейной жизни в психологии достаточно хорошо известно. Такое влияние оказывается на подростковое родительство, сознательное

отношение к возрасту, в котором появляется первый ребенок, отношение к количеству детей в семье [6]. Об этом также говорит О.В. Гришина, проведя исследование на российской выборке, результатом которого было выявлено, что количество детей в родительской семье является значимым фактором для репродуктивного поведения их детей и прямо влияет на количество детей в их будущей семье [7].

М.С. Егорова и О.В. Зверева отмечают, что дети дошкольного возраста усваивают роли в семье очень рано вместе с соответствующими им правилами и нормами: в понимании детей уже существует знание о том, кто в семье «главный», и в чем заключается роль «мамы» и «папы», они активно сравнивают порядок своей семьи с другими, и представления о собственной семье в будущем строят достаточно активно, нередко – в форме игры [8, с. 2]. В более старших возрастах авторами отмечается закономерность зависимости представлений о желаемой семье от структуры родительской семьи, более того, предполагается, что это также свойственно и дошкольникам. Авторы предположили, что родительская семья для дошкольников является моделью, определяющей представления о будущей семье на данном возрастном этапе.

В этом контексте мы вновь можем сослаться на работу Т.В. Алексеенко и Е.В. Енакаевой по исследованию особенностей представлений о будущей семье у молодежи, выросшей в условиях дисфункциональности родительской семьи. Вовлеченность ребенка в конфликт с родителем или родителями также относится

к категории дисфункциональной семьи. Авторы предполагали, что у детей, выросших в родительских семьях с выраженной дисфункциональностью, будет существовать поляризация стремлений к созданию семьи: отмечается выраженность стремления к созданию семьи с детьми, либо же наоборот – у них будет отсутствовать стремление вступать в брак и/или иметь детей в своей будущей семье.

Здесь же авторами обуславливаются эти тенденции: первая может быть связана с желанием «исправить ошибки родителей», выраженным стремлением «построить свою семью не так, как родители строили свою»; вторая – связана с желанием избежать самой ситуации семьи, либо же неприятие родительской роли в принципе.

Вновь возвращаясь к вопросу о мотивации вступления в брак, можно выделить следующие отличительные черты молодежи из дисфункциональных семей: в иерархии представлений о будущей семье доминируют такие положения, как: «любовь», «забота и поддержка», в то время как сфера семейной жизни «дети» либо не существенна, либо отрицается вовсе [7].

Таким образом, ситуации вовлеченности ребенка в конфликт с родителями создают предпосылки формирования аутоцентрированного отношения к семье как к социальному явлению. Такими людьми может не отрицаться значимость семьи или детей, однако и лично-значимыми или ценными они также не будут. Отмечаются изменения в отношении к родительским ролям как непосредственно к родителям, так и к собственной

идентификации с ними, в силу чего и наблюдается снижение ценности родительства. Однако именно на этом моменте важно заметить существование двойственности влияния детско-родительского конфликта на отношение к собственной родительской роли. Так, можно выделить сторону отрицания значимости родительства и сторону реактивности – посредством родительской роли актуализировать и закреплять ценность собственного «Я». Возможен и третий вариант – момент компенсации, основанный на мотивации создания семьи абсолютно противоположной родительской. Перейдем к основному проблемному полю исследования.

В рамках данной работы концепция навязчивых грез имеет специфическую позицию, поскольку изначально планировалось представить феномен навязчивых грез как предмет исследования, однако во взаимосвязи с другими переменными это оказалось невозможным. Поэтому, прежде, чем мы перейдем к рассмотрению данной категории, определим, что навязчивые грезы будут представлять собой условие, на основе которого мы и будем проводить исследование субъективных представлений о будущей семье у студентов.

Навязчивые грезы, или неадаптивные мечтания – термин, впервые предложенный израильским психологом Эли Сомером. В его работе «Неадаптивные мечтания: Качественное исследование» предлагается такое определение данному понятию – это чрезмерная мечтательная деятельность, которая заменяет собой межличностное взаимодействие и/или мешает учебной,

профессиональной деятельности [9]. Э. Сомер пришел к выводу о существовании необходимости введения отдельной концепции на основе результатов его работы с подростками, которые подвергались насилию в семье [10]. Он заметил выраженную склонность ухода в фантазии, и в последующих исследованиях определил, что такая деятельность воображения довольно специфична и несколько отлична от других его форм, а также не похожа ни на одно предполагаемое им личностное расстройство, в связи с чем он начал активно исследовать данную категорию. В первичном понимании навязчивых грез автор исходил из того, что это одна из форм аддиктивного поведения. Поведенческая зависимость, как и другие аддикции, основана на изменении собственного психического состояния с целью ухода от скучной, безрадостной, страшной реальности, и только позже он предложил рассматривать эту концепцию в качестве расстройства.

Здесь важно заметить, что грезы часто представляют собой особую психологическую защиту, суть которой заключается в переключении внимания с окружающей действительности на позитивно окрашенные фантазии. Об этом также можно говорить из результатов исследования Э. Сомера, Х.М. Абу-Райи и Р. Бреннер [11], которые свидетельствуют о том, что грезы и фантазии являются способом преодоления тяжелых ситуаций, отвлекают людей от болезненных, нередко травматических воспоминаний, помогают в регуляции болезненных эмоций.

Навязчивые грезы – довольно противоречивая и неоднозначная концепция, представляющая собой одну из форм

воображения, воздействие которой основано на чрезмерной выраженности грез как защитного механизма с навязчивым характером. Условия формирования навязчивых грез так же специфичны и неоднозначны, как и сама концепция. Рассмотрим их подробнее во взаимосвязи с детско-родительскими конфликтами.

Продолжая тему тождества навязчивых грез и механизмов психологических защит, стоит отметить, что закрепление определенного механизма психологической защиты происходит при условии склонности к нему личности и степени успешности его работы в различных стрессовых ситуациях.

Следовательно, строится примерная схема закрепления навязчивых грез как механизма защиты: при существующей склонности к фантазированию, к избеганию, выраженной интроверсии, возникающие во внешней (а иногда и во внутренней) среде ситуации напряжения, стресса или конфликта стимулируют личность, во-первых, избежать такой ситуации – актуализируется потребность замкнуться в себе, отстраниться как физически, так и психологически, однако, в свою очередь, во втором случае не исключается отношение к самой ситуации. Так, например, ребенок может достаточно долго переживать произошедший конфликт, в процессе чего склонный к фантазированию ребенок проецирует ситуацию, эмоции, возможные пути его разрешения на фантазии, таким образом прорабатывая негативные переживания, но и, в то же время – углубляя отстраненность и погруженность в фантазии.

Когда такой механизм актуализируется не единожды, тогда можно предполагать наличие тенденции к развитию навязчивых грез.

Имея в виду описанный выше предполагаемый механизм формирования навязчивых грез и его взаимосвязь с детско-родительским конфликтом, можно выделить несколько уровней, на которых существует взаимосвязь данных категорий с представлениями о будущей семье.

Во-первых, как мы отмечали ранее, существуют фактические подтверждения того, как дисфункциональность семьи влияет на сформированное ценностной сферы личности. Отсюда выделяется ценностный уровень, заключающийся непосредственно в ценностной ориентации личности с навязчивыми грезами, на основе которого происходит построение представлений о будущей семье. В зависимости от того, какие ценности были переняты личностью, они будут прослеживаться в характере представлений, будь то ценности семьи, либо же индивидуально-личностные [2].

Во-вторых, выделяется потребностный уровень. Его также можно назвать мотивационным, однако нам ближе общность этих категорий, нежели их разность. Таким образом, данный уровень подразумевает влияние на представления о семье мотивации личности вступления в брак и создания собственной семьи, а также цели, которые она сознательно преследует, и, что намного важнее, комплекс неосознаваемых потребностей, которые личность стремится посредством семьи удовлетворить.

И в-третьих, можно выделить смысловой (или содержательный) уровень представлений о семье. Взаимосвязь

категорий на этом уровне можно предполагать на основе непосредственного содержания представлений и степени влияния на них навязчивых грез – будут ли они чрезмерно идеализированными, либо же наоборот – абсолютно неполноценными и недостаточными. Сюда также относится личностная готовность к вступлению в брак и степень сформированности необходимых для этого личностных черт.

Таким образом, навязчивые грезы представляют собой специфический реактивно выраженный механизм защиты личности, суть которого заключается в перенаправлении внимания личности с травмирующего, стрессового фактора на неконтролируемый процесс фантазирования, характеризующийся глубокой вовлеченностью в него личностью и выраженной в нем потребностью. Такой процесс обеспечивает проработку переживаний, но и усугубляет личностные возможности в деятельности и общении. При этом, формирование навязчивых грез тесно связано с личностными факторами и внешней средой, в которых они могут проявляться, посредством чего способствуя закреплению механизма защиты. Детско-родительский конфликт в таком случае является одним из внешних условий, создающих стрессовую ситуацию, в силу чего личностная склонность избегания конфликтов и напряжений в совокупности с личностной склонностью к фантазированию создают условия для закрепления у ребенка сначала грез как способа избегания реальности, а затем при определенной систематичности грезы могут приобретать навязчивый характер. А дальнейшая взаимосвязь этих категорий с

субъективными представлениями о семье существует на ценностном, потребностном и смысловом уровнях, определяя ценностные ориентации личности на момент создания семьи, возможное наличие потребностей или целей создания семьи, а также определяя структурное и смысловое содержание семьи в принципе.

Относительно эмпирической части исследования, важно уточнить, что эксперимент находится в процессе, однако мы уже можем предполагать о наличии определенных тенденций.

Диагностический инструментарий для проведения эксперимента состоит из: 1) составленной анкеты для исследования степени конфликтности испытуемого с родителями (родителем) на протяжении взросления и изучения представлений о будущей семье; на основании данных анкетирования был осуществлен подбор экспериментальной группы респондентов с выраженными навязчивыми грезами; 2) методика «Взаимодействие родитель-ребенок» (ВРР) И.М. Марковской, используется подростковый вариант теста для получения данных о специфике восприятия испытуемыми взаимодействия с родителями; 3) опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) А.Б. Холмогоровой и С.В. Воликовой для изучения уровня дисфункциональности родительской семьи испытуемых; 4) опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) А.Н. Волковой для выявления содержания представлений о распределении ролей в семье, а также личностного соответствия этим ролям; 5) тест «Смысложизненные

ориентации» (методика СЖО) в адаптации Д.А. Леонтьева для оценки осмысленности и смысловой ориентации испытуемых; б) опросник «Шкала навязчивых грез» (Maladaptive daydream scale (MDS-16)) в адаптации Г.Г. Копалиани для составления экспериментальной группы посредством выявления на основе выявленных у испытуемых навязчивых грез.

На данный момент выборка составляет 47 испытуемых: студентов различных направлений подготовки в возрасте от 16 до 29 лет, состоящей из 6 юношей и 41 девушки.

По результатам первой части анкеты исследования конфликтности в родительской семье и методики MDS-16 была составлена экспериментальная выборка в количестве 9 человек с выявленными навязчивыми грезами и с вовлеченностью в конфликт с родителями (родителем) в детстве и на протяжении взросления. В экспериментальную группу также отнесены 2 испытуемых с выявленными навязчивыми грезами, однако без явной конфликтности с родителями – внести испытуемых в экспериментальную выборку было решено в соответствии с результатами других методик, результаты данных испытуемых будут приведены после результатов основной экспериментальной группы. Также на основании данных, полученных с помощью анкеты и методики MDS-16, была составлена контрольная группа, состоящая в целом из 36 испытуемых, однако разделенная на две контрольные подгруппы: первая состоит из 13 испытуемых, у которых не выявлено навязчивых грез, однако диагностирована включенность в конфликт с родителями, как в детстве, так и в

процессе взросления; во вторую вошло 23 испытуемых, у которых не выявлено навязчивых грез и также отсутствуют конфликты с родителями. Таким образом, показатели экспериментальной группы сравниваются с показателями двух контрольных групп.

Следовало бы сохранять последовательность изложения результатов и начать с содержания представлений о будущей семье, однако куда более целесообразным будет начать с результатов других методик, которыми и обосновывается содержание этих представлений, потому предлагаем следующий порядок: показатели методик ВРР и СЭК предоставят информацию о характере взаимодействия ребенка с родителями и об уровне семейных дисфункций, показатели методики РОП о соответствии испытуемых предполагаемым ими семейным ролям и показатели СЖО представят данные о ценностно-смысловой сфере личности испытуемых, на основе чего далее можно обосновать содержание представлений студентов о своей будущей семье.

Методика «Взаимодействие родитель-ребенок» (ВРР) основана на том, что испытуемому предлагается оценить родителей по ряду показателей, а, значит, результаты свидетельствуют о непосредственном восприятии ребенком отношений с родителями. По результатам данной методики большинство испытуемых – 44% (4 чел.) отмечают напряженное взаимодействие с обоими родителями, 33% (3 чел.) – благоприятное взаимодействие с одним родителем, но высокое напряжение во взаимодействии с другим. Результаты включают тех испытуемых, у которых выявлены напряженные

взаимоотношения с одним из родителей, поскольку это также несет благоприятной тенденции в развитии личности ребенка, и результаты это вполне подтверждают. Таким образом, для большинства испытуемых в экспериментальной группе (77%) характерны отсутствие эмоциональной близости с родителями, высокие показатели несогласия с родителями, что говорит о тенденции к противостоянию им, высокие показатели ощущения неприятия родителями, а также непоследовательность («противоречие самому себе») в словах и поступках, что расценивается испытуемыми как неудовлетворенность отношениями с родителями, что неудивительно, ведь мы говорим об испытуемых, у которых высокая конфликтность в семье. Интересным является тот факт, что у 22% (2 чел.) испытуемых, у которых, при выраженной конфликтности, результаты ВРР свидетельствуют о гармоничном, ненапряженном взаимодействии с родителями. Это объясняется высокими показателями эмоциональной дистанции с родителями и при этом высоким уровнем удовлетворенности отношениями, что позволяет нам предположить преобладание у испытуемых модели поведения своеобразного «исполнителя», что, в свою очередь, дает возможность предполагать высокий уровень эмоционального истощения у участников конфликта. Такие показатели удовлетворенности наоборот свидетельствуют о большей деструкции, чем в первом случае. В эту категорию также относятся результаты двух испытуемых, вошедших в экспериментальную группу, но без выявленных конфликтов.

В контрольной группе без навязчивых грез и с выявленной конфликтностью наблюдается аналогичная тенденция, тогда как в подгруппе без навязчивых грез и конфликтов преобладают высокие показатели удовлетворенности взаимоотношениями с родителями, наличие эмоциональной близости, поддержки и взаимоуважения во взаимодействии.

По результатам методики «Семейные эмоциональные коммуникации» у большей части экспериментальной выборки – 66% (6 чел.) выявлен высокий уровень семейных дисфункций, характеризующийся высоким уровнем элиминирования эмоций (также подтверждая результаты методики ВРР), что свидетельствует о значительном снижении эмоциональности во взаимоотношениях, общении и восприятии членами семьи друг друга; высокие показатели шкалы родительской критики перекликаются с показателями шкалы ВРР «нетребовательность-требовательность», а также наблюдается тенденция семейного перфекционизма, характеризующаяся высоким уровнем контроля и ориентацией семьи на предъявление внешне благополучного образа. У 33% (3 чел.) не выявлено показателей семейных дисфункций, что свидетельствует о здоровом эмоциональном общении в семье, что при высокой конфликтности достаточно нелогично, однако, можно предполагать, что конфликты, хоть и имеют частую основу, преимущественно неглубокие, либо успешно разрешаемые, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что ситуация конфликта не является для испытуемых предметом фиксации. Обосновывая решение включить в число

экспериментальной группы двух испытуемых без выявленных конфликтов, результаты методики СЭК подтверждают наши предположения: так, у одного испытуемого выявлен высокий уровень семейных дисфункций, с аналогичной, описанной выше, тенденцией к семейному перфекционизму, снижению эмоциональности, а также высокой родительской критикой.

Результаты обеих подгрупп контрольной выборки формируют общую тенденцию, обратную результатам экспериментальной выборки. Так, подавляющее большинство испытуемых (в группе с выявленными конфликтами – 77% (10 человек), в группе без конфликтов – 60% (16 чел.) имеют низкий уровень семейных дисфункций, преобладающее благоприятное эмоциональное взаимодействие. Высокий уровень дисфункций наблюдается у 23% (3 чел.) подгруппы с выявленными конфликтами и у 30% (7 чел.) без частых конфликтов в семье.

Результаты методики «Рольевые ожидания и притязания в браке» (РОП) свидетельствует о достаточно высоком уровне готовности к принятию семейных ролей, принятию ответственности в семье на себя и соответствии притязаний испытуемых ожиданиям у большинства испытуемых в экспериментальной выборке – 77%, (7 чел.) и наблюдается такая же тенденция у испытуемых без выявленных конфликтов. Обратная тенденция наблюдается у 22% (2 чел.) экспериментальной выборки. Однако, эти показатели без результатов анкеты и предыдущих методик можно интерпретировать неверно, потому как они напрямую

взаимосвязаны с содержанием представлений о будущей семье, которые носят в большинстве своем искаженный характер, и к тому же данные показатели свидетельствуют о предположительной готовности к принятию семейных ролей, но отнюдь не о желании или потребности в этом.

В контрольной группе без навязчивых грез, но с выявленными конфликтами, результаты несколько иные и в полной мере оправданы содержанием представлений о будущей семье. Так, большая часть подгруппы – 53% (7 чел.) характеризуется наличием расхождения в притязаниях и ожиданиях, а именно: высокие показатели ожидания эмоциональной поддержки от партнера и неготовность оказывать ее в ответ, перекладывание ответственности за воспитание детей и бытовую сферу на партнера, при этом имеются высокие показатели социальной направленности. Иными словами, наблюдается тенденция самоактуализации в семейной среде либо же за счет семьи. Стоит заметить, что результаты контрольной подгруппы без навязчивых грез и конфликтов значительно разнятся: подавляющее число испытуемых – 83% (19 чел.) демонстрируют соответствие притязаний ожиданиям, готовность к семейным ролям и принятию ответственности за семью. Низкие показатели шкалы социальной активности свидетельствуют о семье как преобладающей ценности, что также в дальнейшем можно будет наблюдать в содержании представлений о будущей семье.

По результатам методики «Смыслоразнонаправленности» (СЖО) среди испытуемых экспериментальной группы

доминируют средние показатели осмысленности жизни 55% (5 чел.), характеризующиеся как вполне удовлетворенные своей жизнью на данный момент, принимающие и понимающие ответственность за свою жизнь, однако показатели цели в жизни также средние, что нельзя обозначить как нечто «хорошее» или «плохое», скорее можно судить о существовании жизненных планов, но, в то же время, о не слишком выраженной целеустремленности. Этот процент испытуемых «не торопится жить». У 44% (4 чел.) диагностированы низкие показатели осмысленности жизни, и данные испытуемые в своей жизни достаточно зависимы от обстоятельств, их планы или цели, если и существуют, то в совокупности с навязчивыми грезами скорее и являются образом желаемого будущего. Отсутствие целеполагания обуславливает ощущение «пустоты» жизни, размеренности и бессмысленности, а в сочетании с экстернальным локусом контроля очевидна тенденция проживать хорошую жизнь только образами. Высокие показатели отсутствуют. Вполне характерные показатели для феномена навязчивых грез. Двое испытуемых из экспериментальной подгруппы показывают тенденцию осмысленности, полноты и насыщенности жизни.

В контрольной подгруппе без навязчивых грез, но с выявленными конфликтами, похожая тенденция с доминированием средних показателей 54% (7 чел.), низкие показатели наблюдаются у 31% (4 чел.) и 15% (2 чел.) имеют высокие показатели осмысленности жизни. В подгруппе без навязчивых грез и конфликтов результаты, ожидаемо, обратные:

большая часть испытуемых характеризуется высокими показателями по всем шкалам, свидетельствующими об осмысленности и смысловой наполненности процесса и результата жизни; средние показатели наблюдаются у 35% (8 чел.) и низкие у 13% (3 чел.).

Полученные результаты уже показывают нам тенденцию: детско-родительские конфликты, как мы уже знаем, могут быть одним из факторов, влияющих на формирование навязчивых грез, но при своей взаимосвязи достаточно очевидным исходом будут результаты СЖО в экспериментальной группе. Перейдем к анализу содержания представлений о будущей семье у студентов с навязчивыми грезами и вовлеченностью в конфликт с родителями (родителем).

По ответам испытуемых можно сформировать две (с точки зрения психологии семьи) тенденции: положительную и отрицательную. Положительная наблюдается у 22% (2 чел.) и представляет собой достаточно распространенный среди выборки образ: полная семья, двое детей, образ семьи связан с потребностью в поддержке, потребностью в любви, безопасности, крайне редко испытуемые описывают счастье, но тем не менее – приблизительно подобный образ наблюдается у большинства испытуемых в принципе, однако среди этих двух человек ему соответствует лишь один испытуемый, по предыдущим методикам характеризующий эмоциональные отношения с родителями как благоприятные, с выраженной готовностью к принятию семейных ролей, потому, несмотря на наличие навязчивых грез и конфликтов

с родителями в детстве, представления о будущей семье не носят «искаженный», «проблемный» характер. Второй испытуемый характеризуется тем же, с отличием, что, даже несмотря на выявленные навязчивые грезы, семья не является предметом грез и фантазий, а ее образ окрашен чувством неловкости.

Совершенно иные результаты наблюдаются у 77% (7 чел.), не похожие друг на друга, которые составляют отрицательную с точки зрения семейной психологии тенденцию, в которой доминируют иррациональные установки. Например, у некоторых испытуемых существует одна схема: структурный образ семьи существует, однако в то же время существует установка, которая его отрицает. Так, у части испытуемых 33% (3 чел.) образ семьи существует, но в то же время испытуемым резко отвергаются мысли о его воплощении, причем такие мысли вызывают у испытуемых чувство страха, неуверенности, тревоги или беспокойства. Похожий случай у двух других испытуемых (22%), с тем отличием, что образ семьи и существует, и принимается, более того – окрашен позитивными переживаниями, но его перекрывает установка на то, что такой образ недостижим, буквально невозможен в своем воплощении. Другие, более частные моменты, характеризуются следующим образом: один испытуемый связывает образ семьи только с партнером, родительская роль резко отвергается, в сочетании с результатами других методик это образ «близких друзей», где выражена потребность в эмоциональной поддержке и близости с другим человеком, при низких показателях целей в жизни по методике СЖО общая

осмысленность жизни средняя, что, скорее, характеризует такой образ семьи как искаженный, где семья или брак выступают как «совместное времяпровождение». Еще один частный случай – полное непринятие семьи, отсутствие образа семьи, сознательная ориентация на одиночество, при этом выделяется, что по результатам ВРР и СЭК взаимодействие с родителями у испытуемого достаточно благоприятное, однако, в то же время, наблюдается высокий уровень эмоциональной дистанции, частые конфликты с детства, при этом имеются также низкие показатели по шкалам СЖО. Предположительно, навязчивые грезы в данном случае действительно служат механизмом защиты, но, вероятно, и способом жить. Испытуемые из другой подгруппы демонстрируют положительную тенденцию.

В обеих подгруппах контрольной выборки (в группе с выявленными конфликтами – 93% (12 чел.); в группе без конфликтов – 91% (21 чел.)) подавляющее количество респондентов имеют позитивную тенденцию к представлению семьи, отношению к семье как к ценности, образ которой связан с позитивно-окрашенными переживаниями. Причем стоит заметить, что результаты подгруппы без навязчивых грез и с выявленными конфликтами имеют намного более позитивную тенденцию, чем результаты экспериментальной группы с конфликтами, но и с навязчивыми грезами.

Таким образом, на основе имеющихся на данный момент результатов можно предполагать о тенденции деструктивного взаимодействия навязчивых грез с вовлеченностью ребенка, как в

детстве, так и в процессе взросления, в активную или пассивную форму конфликта с родителем, что проявляется в деструкции ценностно-смысловой сферы личности, в которую также входят представления о семье. Предположительно, индивидуальный опыт, специфика восприятия взаимоотношений в родительской семье не настолько активно преобразуются с помощью навязчивых грез, сколько воспринимаются самим индивидом. Решающую роль здесь играют не сами навязчивые грезы, а специфика психотипа, который для развития навязчивых грез является наиболее благоприятным: высокий уровень замкнутости, слабая нервная система, устойчивая модель поведения типа «избегание». Данные факторы влияют на чувствительность восприятия семейной ситуации, а навязчивые грезы – хаотичные по своей природе – развивают деструктивные установки и модели поведения дальше, закрепляя их уже как непосредственно индивидуальную установку. Возможно, это происходит в соответствии с одним из трех вариантов: фиксация на негативных переживаниях приведет либо к формированию совершенно противоположной семейной установки, к принятию типа родительской семьи, либо к отвержению феномена, вызывающего те же переживания.

На данный момент можно утверждать, что такая тенденция подтверждает нашу гипотезу о том, что представления о будущей семье у студентов, вовлеченных в конфликт с родителями в детстве и по мере взросления, будут носить нереалистичный, резко идеализированный или инфантильный характер, формировать

деструктивные установки, связанные с образом собственной будущей семьи, в частности, с помощью навязчивых грез.

Литература:

1. Швецова, М.Н. Образ будущей семьи в представлении подростков / М.Н. Швецова, А.И. Томилина // Преподаватель XXI в. – М., 2010. – Выпуск 2 (ч.1). – С. 189–192.
2. Алексеенко, Т.В. Особенности представлений о будущей семье у молодежи, выросшей в условиях дисфункциональности родительской семьи / Т.В. Алексеенко, Е.В. Енакаева // Проблемы современного образования. – М., 2018. – № 6 – С. 14–26.
3. Николаева, Н.А. Представление о будущей семье на этапе взросления / Н.А. Николаева // Культура. Духовность. Общество. – Новосибирск : Изд. «Центр развития научного содружества», 2016. – С. 192–197.
4. Бобрышов, С.В. Конфликты в сфере семейных отношений: социально-психологический аспект : учебное пособие / С.В. Бобрышов, В.В. Ивакина. – Ставрополь : СГПИ, 2017. – 194 с.
5. Соколова, А.П. Психологические трудности в отношениях подростков с родителями / А.П. Соколова // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – Ростов-на-Дону, 2016. – С. 112–116.
6. Кажарская, О.Н. Проблема психопрофилактики семейных детско-родительских конфликтов / О.Н. Кажарская,

- С.В. Королева // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – Курск : Изд. «Университетская книга», 2021. – С. 149–154.
7. Гришина, О.В. Репродуктивное поведение родителей и их детей в России / О.В. Гришина // Вестник Московского университета. – М. : Изд. «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», 2008. – Серия 6. Экономика. – С. 29–41.
 8. Егорова, М.С. Влияние структуры семьи на представление дошкольников о желаемой семье [Электронный ресурс] / М.С. Егорова, О.В. Зверева // Психологические исследования : электрон. науч. журн. – М. : Солитон, 2009. – № 5(7). –Точка доступа : URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения : 27.06.2023.).
 9. Somer, E. Maladaptive Daydreaming: A Qualitative Inquiry / E. Somer // Journal of Contemporary Pshychoterapy. – 2002. – P. 197–212.
 10. Somer, E. Childhood antecedents and maintaining factors in maladaptive daydreaming / L. Somer, D.S. Jopp. – Nerv Ment Disease. – 2016. – 478 p.
 11. Abu-Rayya, H.M. Maladaptive daydreaming is associated with intensified psychosocial problems experienced by female survivors of childhood sexual abuse / H.M. Abu Rayya, E. Somer, H. Knane // Violence Against Women. – 2019. – P. 825–837.

Literatura:

1. Shveczova, M.N. *Образ budushhej sem`i v predstavlenii podrostkov* / M.N. Shveczova, A.I. Tomilina // *Prepodavatel` XXI v. – M., 2010. – Vy`pusk 2 (ch.1). – S. 189–192.*
2. Alekseenko, T.V. *Osobennosti predstavlenij o budushhej sem`e u molodezhi, vy`rosshej v usloviyax disfunkcional`nosti roditel`skoj sem`i* / T.V. Alekseenko, E.V. Enakaeva // *Problemy` sovremennogo obrazovaniya. – M., 2018. – № 6 – S. 14–26.*
3. Nikolaeva, N.A. *Predstavlenie o budushhej sem`e na e`tape vzrosleniya* / N.A. Nikolaeva // *Kul`tura. Duxovnost`. Obshhestvo. – Novosibirsk : Izd. «Centr razvitiya nauchnogo sodruzhestva», 2016. – S. 192–197.*
4. Bobry`shov, S.V. *Konflikty` v sfere semejny`x otnoshenij: social`no-psixologicheskij aspekt : uchebnoe posobie* / S.V. Bobry`shov, V.V. Ivakina. – Stavropol` : SGPI, 2017. – 194 s.
5. Sokolova, A.P. *Psixologicheskie trudnosti v otnosheniyax podrostkov s roditelyami* / A.P. Sokolova // *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chexova. – Rostov-na-Donu, 2016. – S. 112–116.*
6. Kazharskaya, O.N. *Problema psixoprofilaktiki semejny`x detsko-roditel`skix konfliktov* / O.N. Kazharskaya, S.V. Koroleva // *Innovacionnaya e`konomika: perspektivy` razvitiya i sovershenstvovaniya. – Kursk : Izd. «Universitetskaya kniga», 2021. – S. 149–154.*
7. Grishina, O.V. *Reproduktivnoe povedenie roditel'ej i ix detej v Rossii* / O.V. Grishina // *Vestnik Moskovskogo universiteta. – M. :*

- Izd. «Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova», 2008. – Seriya 6. E`konomika. – S. 29–41.
8. Egorova, M.S. Vliyanie struktury` sem`i na predstavlenie doskol`nikov o zhelaemoj sem`e [E`lektronny`j resurs] / M.S. Egorova, O.V. Zvereva // Psixologicheskie issledovaniya : e`lektron. nauch. zhurn. – M. : Soliton, 2009. – № 5(7). –Tochka dostupa : URL: <http://psystudy.ru> (data obrashheniya : 27.06.2023.).
 9. Somer, E. Maladaptive Daydreaming: A Qualitative Inquiry / E. Somer // Journal of Contemporary Pshychoterapy. – 2002. – P. 197–212.
 10. Somer, E. Childhood antecedents and maintaining factors in maladaptive daydreaming / L. Somer, D.S. Jopp. – Nerv Ment Disease. – 2016. – 478 p.
 11. Abu-Rayya, H.M. Maladaptive daydreaming is associated with intensified psychosocial problems experienced by female survivors of childhood sexual abuse / H.M. Abu Rayya, E. Somer, H. Knane // Violence Against Women. – 2019. – P. 825–837.

СОДЕРЖАНИЕ

- Ротерс Т. Т., Клипаков Н. В., Мальцева Т.Е.** ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛНР В СОЗДАНИИ ЕДИНОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА.....8
- Васюк А. Г.** СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЫ «АДАПТАЦИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К УСЛОВИЯМ СЛУЖБЫ» В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА.....32
- Vasyuk A. G.** THE CONTENT OF THE CURRICULUM «ADAPTATION OF MILITARY PERSONNEL TO THE CONDITIONS OF SERVICE» IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL TRAINING OF SOCIAL WORKERS IN MODERN CONDITIONS OF SOCIETY DEVELOPMENT.....32
- Булах И. П., Кирсанова Ю. С.** ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К ДОМАШНИМ ЖИВОТНЫМ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ УРБАНИЗАЦИИ.....61
- Bulakh I. P., Kirsanova Yu. S.** PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE ATTITUDE TO PETS OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN LIVING IN AREAS WITH DIFFERENT LEVELS OF URBANIZATION.....61
- Коломоец Л. Г.** СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ШКОЛА И МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО.....80
- Kolomoets L. G.** SOCIAL PARTNERSHIP: SCHOOL AND COMMUNITY.....80

- Мальцева Т. Е.** ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ В ИНКЛЮЗИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....93
- Maltseva T. E.** THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE FORMATION OF SUBJECTIVITY IN INCLUSIVE PROFESSIONALIZATION IN THE SYSTEM OF HIGHER PEDAGOGICAL EDUCATION.....93
- Абрамова С. В., Продан О. Л.** ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВУЗА И ШКОЛЫ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.....132
- Abramova S. V., Prodan O. L.** INTERACTION OF THE UNIVERSITY AND SCHOOL AS A FACTOR OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE GENERAL EDUCATIONAL ORGANIZATION.....132
- Рудь М. В.** СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ С СЕМЬЕЙ.....157
- Rud M. V.** SOCIO-PEDAGOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF THE INTERACTION OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS WITH THE FAMILY.....157
- Удовенко Ю. М.** ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ У БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ ЭМОЦИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С КЛИЕНТАМИ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА.....177
- Udovenko Yu. M.** THEORETICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF FORMING AN EMOTIONAL AND MORAL POSITION IN FUTURE SOCIAL WORKERS IN INTERACTION WITH ELDERLY

CLIENTS.....177

Черных Л. А., Левков А. Г. ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОСПРИЯТИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ КОНФЛИКТОВ С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ О БУДУЩЕЙ СЕМЬЕ У СТУДЕНТОВ С НАВЯЗЧИВЫМИ ГРЕЗАМИ.....197

Chernykh L. A., Levkov A. G. THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PERCEPTION OF CHILD-PARENTS CONFLICTS WITH IDEAS ABOUT THE FUTURE FAMILY OF STUDENTS WITH OBSESSIVE DAYDREAMS.....197

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. СОЦИУМ.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2(14) 2023

Ответственная за выпуск – Т.Е. Мальцева

*Дизайн и художественное
оформление обложки – К.Н. Швердин*

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. СОЦИУМ.
научный журнал

ЧНС

№2(14)